

Ю.З.Кантор

ПОЛЬБЮРО В КУЛУАРАХ «РИЖСКОГО МИРА»: НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Польское бюро ЦК РКП(б) не только следило за переговорами в Риге осенью 1920 — весной 1921 г., но и, как свидетельствуют документы, оказывало существенное влияние на их ход. Его влияние на процесс подготовки мирного договора и прелиминарных соглашений, увы, оказывалось на периферии внимания исследователей. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) отложились материалы, связанные с его деятельностью в отношении консультаций с НКВД и Политбюро ЦК. Они дают возможность проследить, какие дискуссии разворачивались «на полях» переговоров внутри советской делегации в отношении позиции польских участников, что являлось предметом их геополитических и партийных интересов применительно к мирному договору, а также по каким вопросам они консультировали Наркомат иностранных дел. Интерес представляют материалы, свидетельствующие о «внутренней работе» не только во время переговоров в Риге, но и перед ними.

Ключевые слова: Польбюро, советизация, Рижский договор, ЦК РКП(б), советско-польская война, политическое влияние, дипломатия

Вовлечение Польши в геополитическую орбиту Советской России после окончания советско-польской войны оставалось одним из ключевых направлений внешнеполитического курса большевистского руководства. В этом контексте принципиально важно рассмотреть деятельность Польского бюро ЦК РКП(б) на переговорах, предшествовавших заключению Рижского мирного договора. Коллекция документов Польского бюро ЦК РКП(б), в советское время недоступная исследователям, а в постсоветское — незаслуженно обойденная их вниманием, проливает свет на весьма примечательные «штрихи к портрету» мирных переговоров в Риге в 1921 г. и на их подготовку. Также эти документы дают возможность рассмотреть интенции большевистского правительства, связанные с советизацией Польши.

По данным источникам можно реконструировать акценты воззрений Польбюро на судьбу Польши и перспективы ее советизации, на взаимоотношения со странами Антанты в этом контексте. Документы дают возможность проследить, какие дискуссии разворачивались между его членами в отношении позиций польской делегации на переговорах, что являлось предметом их геополитических и партийных интересов применительно к мирному договору, а также по каким вопросам они консультировали НКВД.

Польское бюро ЦК РКП(б) не только следило за переговорами в Риге осенью 1920 — весной 1921 г., но и, как свидетельствуют документы, оказывало существенное влияние на их ход. Влияние Польбюро на процесс подготовки мирного договора и прелиминарных соглашений, увы, оказывалось на периферии внимания исследователей.

Необходимо хотя бы кратко остановиться на истории и условиях создания Польбюро. 18 июля 1920 г. состоялось собрание коммунистов-поляков, на котором Ф.Э.Дзержинский сообщил собранию «о всеобщей мобилизации коммунистов-поляков в виду возможного вступления Красной Армии на территорию Польши» и предложил «создать орган, который руководил бы всей подготовительной работой, распределением мобилизованных товарищей, выработкой инструкции и плана действия». Собрание предложило ЦК РКП создать для ведения этой работы бюро. Кандидатами в него были выдвинуты Ю.Мархлевский, Ф.Кон, И.С.Уншлихт, Я.Долецкий, Ф.Э.Дзержинский и Э.Прухняк [1, л. 8]. Оргбюро ЦК постановило назначить Бюро ЦК в составе Дзержинского (председатель), Мархлевского, Кона, Прухняка и Уншлихта «для руководства партийной работой в тех местностях Польши, которые будут по стратегическим соображениям заняты Красной Армией» [2, л. 1-3]. 21 июля было зафиксировано название этого бюро — Польское Бюро ЦК РКП(б) [3, с. 7-9].

На заседании Польбюро, состоявшемся в тот же день, были рассмотрены вопросы организации Польбюро, а 23 июля Политбюро ЦК утвердило Временный революционный комитет в Польше в том же составе, что и Польбюро ЦК (под председательством Мархлевского) — функции Польбюро и Польревкома совмещались. Польревком, состоявший из членов РКП(б), занимавшихся партийными и советскими делами в России, являлся органом российской власти и предназначался для советизации Польши. В период до создания постоянного рабоче-крестьянского правительства Польревком должен был заложить основы «будущего советского строя Польской Советской Социалистической Республики» [4].

Польбюро перманентно перемещалось: его штаб-квартира «мигрировала» одновременно с движением линии фронта советско-польской войны и в связи с отступлением красных войск. Белосток, Минск, Смоленск... 17 августа 1920 г. в Минске начались советско-польские переговоры, а 1 сентября было принято решение о переносе советско-польских переговоров в Ригу [5, л. 2]. Советизация Польши, как показала практика, оказалась невозможной. Оргбюро ЦК 15 октября постановило Польбюро перенести в Москву [3, с. 37]. Функции Польбюро теперь существенно изменились — оно становилось рычагом внешней политики Советской России на польском направлении. Потому вполне логично, что именно членам Польбюро была отведена весьма существенная роль в кулуарах подготовки Рижского мирного договора.

Имеет смысл проанализировать поведение консультантов российско-украинской делегации. Главным из них, но, по тактическим соображениям, не включенным в нее официально, был Юлиан Лещинский (В февралепереговорах с Польшей, в 1921—1923 гг., член Польбюро ЦК РКП(б)).

Работа Лещинского как «негласного консультанта» затруднялась ввиду «размытости» полномочий и обязанностей. Согласно сообщению ЦК от 12 ноября 1920 г., по согласованию с Польбюро, он был назначен консультантом мирной делегации. Он, с ведома А.А.Иоффе (председатель советской мирной делегации в Риге), стал экспертом по политическим вопросам с некоторыми правами делегата (участие в заседаниях, доступ к шифрам). В период переговоров принимал участие в работе комиссий.

Одним из ключевых был геополитический вопрос — о границах польского государства. И здесь советские консультанты польского происхождения были максимально категоричны в собственных же антипольских установках.

Лещинский в отчете под названием «Мое участие в мирных переговорах», написанном 5 мая 1921 г., ретроспективно обращает внимание на то, что «ввиду многопартийного состава польской делегации наша тактика сводилась к сеянию розни между отдельными группировками [...] Мы старались [атаковать] Яна Домбского (с марта 1920 г. был заместителем министра иностранных дел, возглавлял польскую делегацию на переговорах в Минске и Риге по прекращению огня в советско-польской войне — Ю.К.) с помощью фрактов (ППС — Польской соцпартии — Ю.К.) и эндеков (национал-демократов — Ю.К.)» [6, л. 470]. Посредники Домбского, отмечает Лещинский, стремились выяснить, насколько советская сторона готова к компромиссу в отношении установления границ, избегая, однако, прямо открывать свои задачи. Они хотели, чтобы «инициатива уступок была предпринята с нашей стороны» [6, л. 470]. Переговорщикам приходилось лавировать под влиянием сообщений из Москвы о переходе РККА в контрнаступление, однако «когда надежда на контрнаступление оказалась напрасной», делегация выразила готовность уступить Польше границы гораздо восточнее линии Керзона, «команда Лещинского» сочла нужным сузить уступки в вопросе границ [6, л. 470] — это был в тот период важнейший вопрос.

Автор документа вел переговоры о компромиссном варианте границы между линией Керзона и «линией немецких окопов», однако польская сторона «воротила нос» [6, л. 470], тем более что успешное наступление ее армии продолжалось. Лещинский, судя по документу, дал понять посредникам Домбского, что советская сторона готова пойти на еще большие уступки в вопросе границы при условии, что «польская делегация перестанет саботировать переговоры и как можно быстрее пойдет на заключение мира» (это было принципиально важно — армия генерала Врангеля наступала на столицу РСФСР). На следующий день состоялась неофициальная встреча глав делегаций, где договорились о сроке заключения перемирия и прелиминарного мира. Этот шаг Домбского вызвал сопротивление членов ППС и нацдемократов, однако тот «стоял на своем», и вскоре переговоры были завершены [6, л. 470 (об)].

Характерно, что польские консультанты оказывались в отношении самой же Польши и ее геополитического будущего порой более категоричными и радикальными, нежели их российское руководство. Ю.Лещинский поднял вопрос о тактике в дальнейших переговорах. Принимая во внимание новое соотношение сил (после поражения армии Врангеля) и внутреннее и международное положение Польши, он предлагал настаивать на пересмотре условий прелиминарного мира. Однако Иоффе как руководитель советской мирной делегации в Риге не соглашался, считая, что это может дать повод полякам обвинить советскую сторону в нарушении прелиминарного мира [6, л. 470 (об)]. Такая позиция вызвала резко негативную реакцию Лещинского, назвавшего ее «комичной акробатикой» [6, л. 470 (об)]. Иоффе, сохраняя, в русле установок Москвы, прагматичную умеренность в ряде вопросов, резюмировал в отчете о переговорах в Риге: «Польская, даже официальная, печать открыто пишет, что мир Польше необходим, ибо мы не знаем, будет ли у нас завтра /то/ что есть», жажда мира так велика, что скрыть ее нельзя... Польская делегация явно тянет, но ни в коем случае не хочет, чтобы это было понято, следовательно, общественное мнение требует скорого мира... Польша не хочет линии Керзона и стремится к большим уступкам с нашей стороны, чем те, которые мы уж дали...». Иоффе полагал, что польская позиция столь шатка, что «можно скомпрометировать и польскую политику, и польскую дипломатию», что он «посильно и делал» [7, л. 1-2].

Лещинский же стремился опровергнуть точку зрения Иоффе о том, что уступки советской стороны способны отвратить нынешнюю Польшу от Антанты и перетянуть ее на сторону Советской России. По его мнению, такая позиция являлась «объективно ошибочной и переоценивающей наши материальные возможности подкупа буржуазной Польши» [6, л. 470 (об)]. Он, в сообщениях в Москву, подчеркивал, что, несмотря на трудности, стремился «создать атмосферу внутреннего контроля над всей личной деятельностью Иоффе, атмосферу критики его уступок и методов дипломатии, которые не раз приводили к чрезмерной уступчивости с нашей стороны» [6, л. 470 (об)]. На данные разногласия обратил пристальное внимание нарком иностранных дел Г.В.Чичерин. «Статьи (мирного договора — Ю.К.) о самоопределении мы готовы обойти молчанием, важна для нас граница, остальное не существенно. Из-за границы нечего было торговаться, лучше сразу заявить наше последнее слово. Главное подталкивать поляков в форме разоблачения их затяжек и накапливать [так в тексте — Ю.К.] материал для агитации и бичевания империализма на случай их отказа», — написал он в телеграмме, адресованной Иоффе [8, л. 11].

Тактика, инициированная Лещинским и полпредом РСФСР в Латвии Якубом Ганецким, заключалась в давлении на Домбского, используя события в Верхней Силезии. Речь идет о серии вооружённых восстаний поляков и польских силезцев, произошедших в 1919—1921 гг. в этом регионе. Выступления были направлены против немецких властей Веймарской республики и имели целью выход из состава немецкого государства и слияние с Польшей. Силезский плебисцит состоялся 20 марта 1921 года, два дня спустя после подписания Рижского договора, немцы получили перевес. За присоединение к Германии высказались 60% избирателей и 55% территориальных общин, что спровоцировало очередное, самое масштабное, восстание. В октябре 1921 г. решением Лиги Наций Верхняя Силезия была разделена на две части — польскую и немецкую.

Позиция ЦК в деле заключения мира — после восстания в Кронштадте и трудностей его подавления — названа в документах делегации «торопливой» и обошлась 30 млн золотом и рядом уступок, «заключить который польская делегация уже утратила надежду» [6, л. 471]. Лещинский резюмировал, что заключенный мир не соответствует ни реальному соотношению сил, ни каким-либо целям советской мирной политики. Он, по мнению Лещинского, несет в себе лишь навязанные обязательства, внутренние противоречия и недомолвки. Его реализация повлечет за собой постоянные конфликты и сделает невозможным установление нормальных мирных отношений — насколько они возможны с буржуазным государством [6, л. 471].

Одним из существенных, обсуждавшихся в кулуарах советской делегацией, был вопрос о пленных и об агитации среди них как резерва для революции в Польше. НКВД в отношении пленных выдал указания советской делегации, во многом ориентируясь именно на постулаты Польшбюро. Оно же предложило московским эмиссарам в Риге заключить соглашение «об опеке над военнопленными» [6, л. 471], проводить их сегрегацию по классовому принципу. Одной из важнейших задач Польских бюро в тот момент называлась работа среди пленных польских солдат. Польское бюро ЦК КПП сочло эту работу боевой задачей, предложив «всем Польским бюро агитации и пропаганды при местных партийных комитетах обратить пристальное внимание на эту область работы, проводя широкую агитационную, пропагандистскую и культурно-просветительскую работу среди военнопленных, не останавливаясь перед ослаблением работы в иных областях» [9, л. 7]. Между Польскими бюро и ближайшими лагерями польских военнопленных рекомендовалось наладить постоянную связь, проводить в лагерях лекции, беседы, митинги, концерты, доставить литературу, создавать библиотеки, читальни, клубы, школы для взрослых неграмотных. Польшбюро настойчиво продвигало идею об агитационной работе, и настояло на появлении в ПУРе Польского отдела [10, л. 7]. Также оно «продавливало» через Политбюро ЦК РКП(б) идею немедленного создания полномочного органа по делам военнопленных при Совете труда и обороны или при иной высшей институции и о включении всего аппарата польского отдела «ПУРа» в состав полномочного органа [9, л. 4]. Также заслуживает внимания роль Польшбюро в обсуждении вопроса о реэвакуации имущества, вывезенного из Польши в Россию, о реэвакуации предметов науки и учебных заведений в Польшу, а также идеологическая аргументация. В «Тезисах Польского бюро ЦК РКП(б) по вопросу вывезенного из Польши в Россию имущества с расчетов с Польшей» содержится весьма отчетливая позиция: «В настоящее время политически недопустимо предоставление нашим врагам аргумента, что пролетарская Россия не возмещает полностью того ущерба, который нанесен польской культуре царским правительством. Легко развиваемая на почве этого аргумента буржуазная демагогия является особенно опасной в среде националистически настроенных рабочих, в частности находящихся под влиянием ППС» [3, с. 101].

В документах в достаточно пафосных тонах упоминается о том, что Советское правительство создало специальный орган для охраны этого достояния польского трудового народа в лице Ликвидационной комиссии по делам бывшего Царства Польского, руководимой польскими коммунистами и всячески поощряло деятельность этого органа, его правом и обязанностью является при возвращении польскому буржуазному правительству сохраненного в пожаре гражданской войны и революции трудового народа Польши имущества, требовать гарантий, что то имущество не попадет в частные руки и станет доступным широким массам Польши и послужит исключительно на удовлетворение их культурных нужд». Данную позицию однозначно поддержал Г.В.Чичерин: «Ликвидационная комиссия есть специальный орган охраны этого достояния трудового народа Польши, но надо требовать гарантии, что это имущество не попадет в частные руки и послужит на удовлетворение нужд широких масс» [8, л. 10]. Характерно, что именно представители Польшбюро наиболее скупы в вопросах, касающихся возвращения имущества и ценностей в Польшу. Наиболее характерной в этом отношении, судя по документам, является позиция Ю.Лещинского: «В вопросе реэвакуации, как и каждом другом, Лещинский вовсе не стоит на филантропической точке зрения, считая, что Советская Россия имеет известные обязательства по отношению к польскому народу, но не в границах фикции, а реальных возможностей» [11, л. 28].

Симптоматичен комментарий Польшбюро в отношении польского проекта «о военных гарантиях», изложенный в «Тезисах и тактике мирных переговоров с Польшей»: «Мир или война с Польшей являются частью мира или войны с Антантой. Рижский мир так или иначе должен быть рассмотрен, а в случае необходимости пересмотрен и санкционирован Антантой в ее целом или одной на великих держав: в случае распада Антанты той именно державой на которую Польша будет опираться. Вырвать Польшу из рук или из сферы политического воздействия Антанты и перетянуть на свою сторону принципиально и практически немислимо. Принципиально все буржуазные государства, несмотря на существующее между ними противоречие интересов, составляют классовый блок по отношению к большевизму. Степень консолидации

этого блока зависит от степени большевистской опасности. Практически же пришлось бы содержать нового «союзника», взяв его на свой счет» [12, л. 8].

Весьма симптоматична и оценка реалистичности налаживания отношений не только с Польшей, но и с другими соседями, получившими независимость после Октября 1917 г. Польшбюро полагает, что «нейтрализация буржуазной Польши в целом или отдельных ее частей, групп с помощью мелких подачек (по отношению к Польше они становятся крупными, ибо масштаб ее нужд и претензий нельзя измерять латвийским или даже финляндским примером) вообще является проблематичной» [12, л. 10]. И как доказательство ссылается на «последний опыт» с Латвией и Финляндией: «Эти государства готовы всегда от нас получать по своему объективному положению, не говоря уже о субъективной психологии большевиконенавистничества, не в состоянии нам дать гарантий строгого нейтралитета. Не надо забывать, что эти государства получают и должны получать, не только от нас, но и от своих хороших или плохих — это другой вопрос, но тем не менее союзников. Разница лишь та, что союзникам они взамен дают многое, а нам очень малое и притом весьма сомнительное» [12, л. 10].

Авторы документа считают прочный сепаратный мир с Польшей — «иллюзией по недоразумению», ибо «каждый мир с буржуазным государством это лишь передышка, основанная на учете соотношения сил в данный момент» [12, л. 11] и не используют «политкорректных» эвфемизмов в оценках: «Поляки стараются получить от нас как можно больше реальных ценностей, чтобы большинство их потом (90%) перепродать Антантовским капиталистам, подобно тому, как они продают оптом и в розницу все свои богатства в Польше. Это теперь типично паразитное со своей классово-структуре государство (засилье шляхты за счет промышленной буржуазии и засилье мелкой буржуазии — крестьянства, лавочников, спекулянтов, скоррумпированных интеллигентов за счет пролетариата)» [12, л. 11].

Также важное место в материалах Польшбюро занимают аналитические сведения, касающиеся стран — возможных геополитических союзниц Польши на ближайшую перспективу. Наиболее надежным союзником Польши, а следовательно, главным оппонентом России, небезосновательно называется Франция, которая «настойчивее и решительнее всех защищала необходимость удовлетворения всех без всяких урезок и оговорок всех территориальных притязаний Польши» [12, л. 12]. США же, по мнению аналитиков из Польшбюро, после окончания советско-польской войны «сохранила ценность только как кредитор, главный поставщик сырья и муки, но не больше, в политическом отношении американский союзник стал возбуждать одни лишь подозрения» [12, л. 12]. Великобритания в этой парадигме находится между Францией и США [12, л. 19].

Резюме Польшбюро в отношении перспектив Рижского мира таково: «Наша линия по отношению к Польше должна быть твердой, но мирной. Воздерживаясь от дальнейших уступок (в области реэвакуации границ и т.д.) мы одновременно должны воздерживаться от военной агрессивности, пока это не вызывается необходимостью. Твердым и неуступчивым, но терпеливым и осторожным должно быть поведение нашей делегации. Нам нечего торопиться, ибо время работает за нас» [12, л. 11].

Резюмируя, следует отметить, что водимые в научный оборот документы РГАСПИ дают возможность проследить, какие дискуссии разворачивались между его членами Польшбюро в отношении позиций польской делегации на переговорах, что являлось предметом их геополитических и партийных интересов применительно к мирному договору, а также по каким вопросам они консультировали НКВД. В зоне особого внимания руководства Польшбюро находились вопросы репатриации, причем его руководство заняло жесткую позицию в отношении предложений польской стороны. НКВД в отношении пленных выдал указания советской делегации, во многом ориентируясь именно на постулаты Польшбюро. Польшбюро предложило советской делегации в Риге заключить соглашение «об опеке над военнопленными», проводить их сегрегацию по классовому принципу. Также заслуживает внимания роль Польшбюро о реэвакуации имущества, вывезенного из Польши в Россию, и реэвакуации предметов науки и учебных заведений в Польшу и идеологическая аргументация. Также по ним можно выявить доминанты воззрений экспертов Польшбюро на судьбу Польши и перспективы ее советизации и геополитические границы, на взаимоотношения со странами Антанты в этом контексте.

Автор благодарит заведующего Архивом Государственного музея истории Санкт-Петербурга к.и.н. С.А.Пятовского за перевод документов с польского языка.

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 3.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 52.
3. Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920—1921 гг. / Отв. ред. А.Л.Шемякин. М: Институт славяноведения РАН, 2004. 144 с.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 3. С. 221.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 106.
6. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 191.
7. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2003.
8. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000.
9. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 14.
10. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 22.
11. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 190.
12. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 194.

References

1. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op. 1. D. 3.
2. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 112. D. 52.
3. Kostyushko I.I. Iz istorii sovetsko-pol'skikh otnosheniy. Pol'skoe byuro TsK RKP(b). 1920—1921 gg. [From the history of Soviet-Polish relations. Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b). 1920—1921]. Moscow, 2004. 144 p.
4. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnosheniy [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations]. Moscow, 1964. Vol. 3, p. 221.
5. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 3. D. 106.
6. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op. 1. D. 191.
7. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 5. Op. 1. D. 2003.
8. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 5. Op. 1. D. 2000.
9. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op. 1. D. 14.
10. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op. 1. D. 22.
11. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op. 1. D. 190.
12. RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 63. Op.1. D. 194.

Kantor Yu.Z. Pol'buro on the sidelines of the “Riga Peace”: unknown documents of the Russian State Archive of Socio-Political History. The Polish Bureau of the Central Committee of the RCP(b) not only followed the negotiations in Riga in the autumn of 1920 — spring of 1921, but also, according to documents, had a significant influence on their course. Its influence on the process of preparing a peace treaty and preliminary agreements, alas, was on the periphery of the researchers' attention. The Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH) has deposited materials related to its activities in relation to consultations with the People's Commissariat for Foreign Affairs and the Political Bureau of the Central Committee. They make it possible to trace what discussions unfolded “on the sidelines” of negotiations within the Soviet delegation regarding the position of the Polish participants, what was the subject of their geopolitical and party interests in relation to the peace treaty, as well as on what issues they advised the People's Commissariat for Foreign Affairs. The materials testifying to the “internal work” not only during the negotiations in Riga, but also before them are of interest.

Keywords: Polish Bureau, Sovietization, Riga Treaty, Central Committee of the RCP(b), Soviet-Polish war, political influence, diplomacy.

Сведения об авторе. Юлия Зораховна Кантор — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0003-0362-345X; juliakantor@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.10.2022. Принята к публикации 15.11.2022.

Ссылка на эту статью: Кантор Ю.З. Польбуро в кулуарах «Рижского мира»: неизвестные документы Российского государственного архива социально-политической истории // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6(45). С. 657-661. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).657-661

For citation: Kantor Yu.Z. Pol'buro on the sidelines of the “Riga Peace”: unknown documents of the Russian State Archive of Socio-Political History. *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 6(45), pp. 657-661. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.6(45).657-661